ПАНОРАМА МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Зарубежная философия. Новые публикации

РАССУЖДЕНИЕ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ[i]

Р. БРЭНДОМ

Одним из способов описания человека как разумного существа является выделение двух фундаментальных способностей, или родовых свойств, составляющих нашу разумность, – способности *чувствовать* и способности *размышлять*. Первая роднит нас с животными, ставит в один ряд с существами невербального мира; благодаря этой способности – как раз в силу того, что они могут чувствовать – животные, так сказать, «разумеют», непосредственно «сознают» себя. Чувствительность (sentience) представляет собой, насколько можно судить, биологический феномен в чистом виде. Ее следует отличать от способности реагировать определенным образом (дифференцированно и адекватно) на внешние воздействия – свойства, присущего и чувствующим животным и таким артефактам, как сенсоры или измерительные приборы. Способность же размышлять (sapience), помимо и сверх указанной восприимчивости живых организмов, предполагает *разумное понимание* происходящего. Разумными мы признаем существа, чьи действия поддаются рациональному объяснению; это значит, что мы можем приписывать им, как свободным агентам, те или другие интенциональные состояния (верования и желания) в качестве *оснований* совершаемых ими поступков. Для существа, наделенного интеллектом, важно, чтобы его действия были осмысленными, обоснованными. Они должны подлежать разумной интерпретации, которая достигается посредством приписывания агенту способности к выводам – практическим (относительно поставленных целей и их достижения) и теоретическим (относительно причинно-следственных связей).

Рассуждать о разумности можно по-разному: в терминах оснований и выводов (reasons and inference), что естественно и законно, но также и в терминах истины. Разумные существа – носители убеждений, а всякое убеждение является выражением (предполагаемой) истины. Разумные существа – производители действий, а всякое действие является претворением в жизнь (утверждаемой) истины. Существовать разумно – значит иметь убеждения, желания и намерения, о которых можно спросить, истинны они или ложны. Понимание их

содержания предполагает возможность определения истинностных условий для каждого состояния мысляще-действующего субъекта. Эти условия – необходимы и достаточны для того, чтобы содержание убеждения, желания или намерения было истинным.

Оба выделенных мною способа рассуждения (в терминах оснований и выводов и в терминах истины) имеют дело с умопостигаемым содержанием особого рода – *пропозициональным*. То, что может служить основанием для решения или действия разумного существа, и то, что может быть признанно истинным или предпринято исходя из такого признания, имеет пропозициональное содержание. Последнее выражается декларативами и синтаксически отмечается клаузулой «что». Разные пропозициональные содержания связаны между собой отношениями выводимости (stand in inferential relations); они бывают истинными (при определенных условиях) или ложными.

Разговор о разумности, впрочем, далеко не исчерпывается обсуждением пропозициональности. Понять, *что́* имеет сказать или выразить собеседник, *каково содержание* его мыслей и слов, – только половина дела; важно знать и *о чем* говорит или думает человек, высказывая то или иное суждение. Моя задача – прояснить и по возможности концептуально осмыслить отношение между этими «что» и «о чем». В первом случае я говорю о пропозициональном измерении дискурса, во втором – о *репрезентациональном* его измерении. Почему интенциальные состояния и их выражения, имеющие пропозициональное содержание, должны рассматриваться и как состояния, имеющие репрезентациональное содержание? Это ключевой вопрос, на который я попытаюсь ответить. (Сама его постановка предполагает возможность рассмотрения-описания пропозиционального содержания и в нерепрезентациональных терминах.)

Мой ответ заключается в предположении, что лучшим способом прояснения и спецификации репрезентационального содержания убеждений или высказываний является *социальная артикуляция* – способ, который показывает, как значение утверждений, терминов и лексем меняется при переходе от одной перспективы к другой: от перспективы носителя убеждения, лица говорящего или пишущего, к перспективе интерпретатора (второго субъекта, *приписывающего* данное убеждение, интенцию или высказывание первому субъекту, интерпретируемому). Репрезентациональное содержание только и раскрывается в контексте такой дискурсивной коммуникации, когда утверждения одного собеседника принимаются к рассмотрению другим и оцениваются на предмет их обоснованности, – в контексте игры в обмен доводами (the game of giving and asking for reasons)[ii], которая носит социальный характер.

<...> Важную роль в развитии новейшей философии сыграло выдвинутое Кантом в «Критике чистого разума», а впоследствии за-

крепленное Фреге и Витгенштейном, положение о *семантическом приоритете пропозиционального*. В до-кантовской традиции базовым семантическим элементом признавались понятия (единичные или общие термины), значение которых, как утверждалось, может быть схвачено независимо от значения производных образований – суждений. Правильность выводов определялась содержательностью и связностью утверждений, а содержание утверждений – значением и сочетанием терминов. Кант переворачивает это отношение: не понятие, но *суждение* становится у него базовым элементом мысли (unit of awareness). Все действия рассудка, говорит он, сводимы к суждениям, понятия же относятся как предикаты суждений к какому-нибудь представлению о предмете. «Возможно лишь одно применение... понятий рассудком: посредством них он судит»[1].

С точки зрения Канта, рассмотрение содержания любых семантически значимых единиц должно начинаться с анализа предложений (суждений); нечто в составе суждения может иметь содержание лишь постольку, поскольку является его частью и, следовательно, вносит свой ограниченный вклад в его полное содержание. Трансцендентальная логика Канта позволяет исследовать пропозициональную содержательность в терминах категорий как «функций единства в суждениях»[2]. Эта линия аргументации была продолжена Фреге. Семантическое понятие концептуального содержания Фреге использовал для решения теоретической, в конечном счете, задачи объяснения прагматики дискурса – прагматической силы *высказываний-утверждений*, деклараторов. В том же ключе рассуждает и поздний Витгенштейн: с помощью *предложений*, говорит он, а вовсе не слов и отдельных их сочетаний, совершаются ходы в языковых играх. Осмысленное употребление терминов возможно только в составе высказываний, с помощью которых мы выражаем мысли, т.е., прежде всего, утверждений[iii].

Иными словами, понимание отношения между знаком и означаемым требует обязательного учета контекста высказывания – утверждения или суждения о том, *что есть*. Это «*что*» (некоторое положение дел, в истинности которого убежден говорящий) выражается с помощью предложений-деклараторов, а не единичных терминов или предикатов. Субъект высказывания должен знать или предполагать, что его пропозиционально содержательное суждение, верование или утверждение истинно постольку, поскольку выражает и удостоверяет то, что является фактом, т.е. сообщает *истину о чем-то*, *соответствует* чему-то, скажем, объектам, или реалиям, или тому, о чем высказываются предикаты. Необходимо, следовательно, принимать во внимание как пропозициональное содержание высказывания, *«что»* говорится, так и его настоящее репрезентациональное содержание, *«о чем»* говорится, – саму мысль и то, о чем мысль сообщает[iv].

Пропозициональное содержание (с него я хотел бы начать) есть содержание *утверждаемое*, *мыслимое*, *принимаемое* за истинное. Содержательные в указанном смысле высказывания отличает одна существенная особенность: они могут служить как посылками, так и заключениями *в выводах*. Признавать истинным некоторое утверждение – значит допускать возможность его использования в качестве инференциальной посылки (a premise for inference). Семантический принцип Фреге гласит: ложные заключения никогда не выводятся (при соблюдении правил вывода) из верных посылок; однако вместо того, чтобы оценивать качество выводов по критерию истинности высказываний, я предлагаю рассматривать истинность этих последних как то, что обеспечивается надежностью выводов.

В случае с пропозиционально содержательными *интенциональными состояниями*, прежде всего, *убеждениями*, необходимая инференциальная артикуляция содержания осуществляется в форме интенциональной интерпретации или объяснения. Согласно этой эпистемологической схеме, чье-то поведение может считаться разумным тогда и только тогда, когда действия индивида поддаются *рациональному обоснованию*. В известном смысле, интенциональность, по определению Деннета, «производна от рациональности». Убеждения в составе практических рассуждений, связывающих индивидуальные верования и желания с интенциями как диспозициями к поведению, играют ключевую роль в интенциональной интерпретации-объяснении; то же самое можно сказать о рассуждении, в составе которого заключения и посылки – суть содержания убеждений (believables).

В случае с пропозиционально содержательными *речевыми актами*, прежде всего, *утверждениями*, необходимая инференциальная артикуляция содержания осуществляется благодаря тому, что я называю игрой в обмен доводами – деятельности, которая составляет само существо *лингвистической* практики. Играть в обмен доводами – значит что-то высказывать, утверждать. Одно утверждение может служить основанием для другого и, в свою очередь, «запрашивать» основания для себя. Содержание всякого утверждения частично определяется местом, которое оно занимает в ряду других утверждений, связанных инференциальными отношениями.

Итак, *концептуальное* с необходимостью подлежит инференциальной артикуляции. Философскому эмпиризму здесь приходит на помощь рационализм. В чем заключается принципиальная разница между «реакцией» неразумного существа (например, дрессированного животного) или механического прибора (например, термостата) на определенного рода стимульные воздействия или события (например, переключение лампочки с красного на зеленый или изменение температуры воздуха) – и поведением человека, различающего понятия «красное» и «зеленое», «теплое» и «холодное»? Чем употребление этих

понятий разумным носителем языка и совершение действий, связанных с состояниями или событиями, которые ими обозначаются, отличается, скажем, от произнесения попугаем членораздельных звуков, похожих на «красное» или «теплое», или автоматического срабатывания температурного регулятора в радиаторе? Разница в том, что рациональный субъект обладает навыком инференциальной артикуляции. Это – практическое умение, «знание как», позволяющее носителю языка свободно оперировать дискурсивным инструментарием, располагая слова, высказывания и предложения в сети инференциальных связей. Обладать указанным навыком – значит понимать, что́ является предпосылкой чего (например, утверждения «это красное» или «теплое»), какие фактические состояния или события предполагаются утверждением, а какие им исключаются, и т.д. Высказываясь о чем-то, *знающий* совершает ход в дискурсивной игре в обмен доводами, причем так, что этот ход всегда каким-то образом связан с другими, предшествующими или последующими, ходами. Неразумное существо, «умеющее» правильно реагировать на стимульные воздействия, или исправно функционирующее механическое устройство лишены *понимания* фактов, ведь они не владеют инференциальной артикуляцией, благодаря которой только и раскрываются концептуальные содержания[v].

Задача, стало быть, заключается в том, чтобы исследовать пропозициональное (*«что»* наших мыслей, интенций, состояний сознания, выражаемое предложениями-декларативами) в *инференциальных* терминах[3]. Концептуальное содержание артикулируется, прежде всего, инференциально. Рассмотрение репрезентационального измерения семантической содержательности требует, далее, постановки вопроса об отношении *инференции* к *референции*, пропозиционального *«что»* высказываний и мыслей – к тому, *«о чем»* мыслится и говорится. Поиск ответа на этот вопрос (как репрезентациональное измерение дискурса может быть встроено в инференциальную интерпретацию пропозиционального?) приблизит нас к пониманию того, что концептуальное содержание, наряду с инференциальной артикуляцией, подлежит также артикуляции *социальной*. Игра в обмен доводами является по своему существу социальной практикой.

В справедливости этого утверждения легко убедиться, если принять во внимание некоторые специфические особенности дискурсивной практики. Как показал все тот же Кант, значение чего бы то ни было концептуально содержательного имеет для всякого мыслящего и действующего субъекта прежде всего *нормативный* смысл. Высказываясь о чем-то, совершая то или иное действие, мы *несем ответственность* за свои слова и поступки. Рассудок, по Канту, есть инструмент овладения правилами-концептами, которые определяют, какое поведение может считаться *должным*, т.е. сообразным правилу,

а какое нет. Суждения и поступки являются действиями, законность которых (истинностная достоверность содержания, утверждаемого либо претворяемого в жизнь мысляще-действующим субъектом) требует обоснования. Отличает эти действия то, что они совершаются по правилам. Интенциональные состояния или акты, наши убеждения, желания и поступки, имеют, стало быть, нормативное значение. Совершая действие или высказывая суждение, человек принимает на себя обязательство (commitment), содержание которого определяется теми правилами-концептами, в терминах которых артикулируется данное действие (состояние). Человек – существо нормативное sui generis, в интерпретации Канта; он живет, подчиняясь законам, руководствуясь правилами и нормами.

Предпринятая Декартом попытка интерпретации онтологического, как он полагал, различения материального и духовного в сугубо эпистемологической плоскости (со стороны гносеологического субъекта, занятого поиском достоверного и надежного знания) была переломной для европейской философской традиции. С именем Канта связана переориентация философского интереса с проблематики *достоверности* на проблематику *необходимости*. В противовес теоретической модели Декарта – дескриптивной концепции интенциональности с достоверностью в центре внимания – Кант выдвинул свою, нормативную, модель объяснения интенционального, где во главу угла ставится не достоверное, а необходимое, не то, как мы овладеваем понятием и оперируем им в познавательной и практической деятельности, но как понятие довлеет над нами и подчиняет себе нашу волю к действию и познанию. Предметом анализа в философии Канта оказывается нормативность – те имплицитные нормы, что «стоят за» понятиями и руководят нами, когда мы используем концептуальный инструментарий теоретически (в рассуждении и исследовании) или практически (в деятельности, направленной на изменение мира, и во взаимодействии с другими людьми). Какова природа этой нормативности, в чем *обязывающая сила* (rulishness), *действенность*, или *валидность*, понятий? – вот главный для Канта вопрос. Нормативность, о которой здесь идет речь, рассматривается им как то, без чего не существует дискурсивно-практической деятельности, как «необходимость», «Notwendigkeit».

Из нормативной концептуальной прагматики Канта мы можем извлечь вывод о том, что действия дискурсивно-практического характера, а именно суждения и поступки, в отличие от других форм активности, включают в себя определенное *обязательство*. Высказывая суждение, утверждая что-то или отрицая, мы ручаемся в достоверности информации, которую сообщает наше высказывание, – даем понять, что дело обстоит так, как мы говорим. Обязательства подобного рода, как обязательства *дискурсивные*, нуждаются в *обосновании* утверждае-

мого (или отрицаемого) содержания, а кроме того, соответствующие высказывания могут, в свою очередь, подтверждать обоснованность некоторых других высказываний (обязательств) либо, наоборот, исключать таковую. Пропозициональная содержательность наших высказываний состоит в инференциальной артикуляции обязательств и оснований их принятия (entitlements to those commitments)[vi].

<...> Итак, первым и главным отличительным признаком чего-либо *пропозиционально* содержательного является то, что выражение данного содержания (например, утвердительное высказывание) может служить инференциальной посылкой и/или заключением в рассуждении – с одной стороны, выдвигаться в обоснование других утверждений, а с другой, требовать обоснования для себя. Чтобы правильно понимать и интерпретировать пропозициональные содержания, надо знать, что представляет собой игра в обмен доводами-обоснованиями и как ведется счет в этой игре, – уметь отличать хорошие доводы от плохих, доводы «за» от доводов «против», обязательства обоснованные от необоснованных. Это дискурсивное *знание-как* заключается в умении интерпретатора наделять пропозиционально содержательные высказывания или убеждения практическим смыслом, т.е. в понимании того, какие последствия могло бы иметь высказываемое утверждение или отрицание в той или иной ситуации – как бы оно отразилось (или не отразилось) на счете в игре, участником которой выступает субъект высказывания (носитель убеждения). Семантический анализ, берущий начало с инференциальных отношений, неотделим от такого рода прагматической интерпретации и оценки. Если нам известно, что утверждение *A* влечет за собой утверждение *B*, мы вправе думать, что человек, который говорит *A* или считает *A* истинным (принимает соответствующее дискурсивное обязательство), должен считать истинным выводное *B*. Рассуждая об инференциальности, мы берем за основу, как правило, монологическую модель отношения между пропозициональными содержаниями – посылками и заключениями. Однако дискурсивная практика, игра в обмен доводами, наряду с интер-*пропозициональными* отношениями включает и отношения интер-*субъективные*. Лучшим способом рассмотрения репрезентационального содержания пропозиций, связанных инференциально (как посылки и выводы), было бы, как мне представляется, описание этого содержания в терминах социально-диалогической коммуникации – в контексте интерпретации и оценки доказательных аргументов, подтверждений и возражений, выдвигаемых участниками разговора, коммуникантами[vii].

Если все, что играет инференциальную роль, имеет пропозициональное содержание, а все пропозиционально содержательное имеет и репрезентациональное содержание, специфически *инференциальной* практикой может считаться только такая практика, которая

предполагает (пусть не явным образом, но имплицитно) репрезентациональное измерение. Существует, тем не менее, возможность описания социальной практики, состоящей из действий, наделяемых *инференциально артикулируемыми* значениями, практики выдвижения и запрашивания доводов-обоснований, которое не требует использования репрезентационального словаря. К такой разновидности как раз и относится описание лингвистической практики как игры, в которой разыгрываются дискурсивные обязательства, и ведется счет аргументам «против» и «за». Я хочу показать, как имплицитное репрезентациональное измерение инференциального содержания утверждений проступает в коммуникативном пространстве между различными социальными перспективами – перспективой субъекта высказывания и интерпретатора, *производителя* и *потребителя* аргументов. Это значит объяснить репрезентациональное (то, что артикулируется эксплицитно при помощи репрезентационального словаря) в нерепрезентациональных терминах.

Связь между *репрезентацией*, с одной стороны, и *коммуникацией* или *социальным* аспектом инференциальной практики, с другой, не кажется само собой разумеющейся, а потому нуждается в разъяснении. Я утверждаю, что адекватное понимание и оценка того, *о чем* говорят или думают люди (в отличие от пропозиционального *«что»* их высказываний и мыслей), возможны лишь в *социальном* контексте *коммуникации*. Говоря о репрезентации, я имею в виду только то, что позволяет коммуникантам поддерживать разговор и обеспечивает взаимное понимание двух или нескольких индивидов, когда утверждения одного принимаются другим в качестве предположительно истинных допущений или инференциальных посылок в рассуждениях, когда одни дискурсивные обязательства «сталкиваются» с другими и принимаются или отвергаются собеседниками исходя из их убеждений (ранее принятых ими обязательств).

Очевидные преимущества такого семантического подхода (описания репрезентационального содержания в терминах социальной коммуникации) можно продемонстрировать на примере анализа проблематики *истины*. Вопрос об истине в контексте философских дебатов встает, как правило, в связи с рассмотрением того, что считается *знанием*. Согласно традиционному представлению, знание – это обоснованное истинное убеждение. Какие же условия должны выполняться, чтобы собеседники-коммуникаты, обменивающиеся друг с другом суждениями и аргументами и принимающие (на себя) либо приписывающие (другим) дискурсивные обязательства в подтверждение их нормативных статусов, могли числить друг друга *знающими*? Во-первых, субъекту высказывания должно быть *приписано обязательство* – инференциально артикулированное, следовательно, пропозиционально содержательное. Приписывание дискурсивного обязательства означает признание субъ-

екта высказывания носителем *убеждения*. Во-вторых, обязательство, приписываемое кем-то кому-то, должно трактоваться (признаваться интерпретатором) в качестве *правомочного*. Считать дискурсивное обязательство правомочным – значит полагать, что убеждение в достаточной степени *обоснованно*. И в-третьих, необходимо, чтобы интерпретатор – собеседник, приписывающий обязательство другому лицу, интерпретируемому, – сам принимал данное обязательство, признавая, таким образом, убеждение *истинным*[viii].

<...> Репрезентациональный пласт языка образуют слова и сочетания слов, позволяющие специфицировать пропозициональное содержание убеждений, приписываемых кем-то кому-то, в модальности *de re*[ix]. Я говорю о фигурах речи, в составе которых такие лексемы, как «of» и «about» (англ. «о» – *прим. пер.*) могут использоваться для выражения интенциональной направленности чьих-либо мыслей или высказываний. Спецификация пропозиционального содержания в модальности *de re* является способом передачи того, *о чем* говорит или думает человек, когда он говорит или думает *что-то*. Понимание чего-либо, выражаемого посредством репрезентационального словаря, требует предпонимания того, как выражения, которые мы рассматриваем, должны *использоваться* в de re описаниях пропозиций (когда определенные пропозициональные установки (propositional attitudes) кому-то приписываются в указанной модальности). <...> Спецификация или интерпретация содержания утверждений любого рода, приписываемого интерпретатором интерпретируемому, с необходимостью ставит вопрос, *в чьих терминах* раскрывается данное содержание (пропозициональное «что» убеждений и подлежащих интерпретации обязательств). Рассмотрим в качестве иллюстрации следующий диалог прокурора и адвоката в суде. Прокурор говорит (комментируя реплику адвоката): «Сторона защиты полагает, что заверения патологического лжеца заслуживают доверия как свидетельские показания». Адвокат возражает: «Нет, я утверждаю, что человек, чьи показания только что прозвучали, заслуживает доверия как свидетель». Прокурор, в ответ на эту ремарку, мог бы заметить: «Доказательства, представленные суду, не оставляют сомнения в том, что человек, чьи показания только что прозвучали, является патологическим лжецом». Мы видим, что защитник и обвинитель придерживаются радикально противоположных мнений о человеке, чьи показания рассматриваются в суде: адвокат считает его безупречным свидетелем, прокурор называет лжецом. Спорят, разумеется, не о том, можно ли доверять обманщикам; спорят о том, лжет или говорит правду свидетель, допрашиваемый в зале суда. Интерпретация пропозиций (убеждений, приписываемых кем-то кому-то) в модальности *de re* позволяет высветить это противоречие, обусловленное различием перспектив интерпретатора и интерпретируемого, и указать на его

разрешение. Если бы прокурор был достаточно откровенен и прямодушен, он мог бы (*должен* был бы) сказать: «Адвокат, говоря *о* человеке, который является патологическим лжецом, утверждает, что он – честный свидетель». Из такой констатации с очевидностью вытекало бы, что каждый из диспутантов ответствен за свою часть утверждения – высказывания, связывающего интерпретатора и интерпретируемого (в данном случае, прокурора и адвоката). Утверждение, что свидетелю можно верить, выражало бы обязательство, *приписываемое* интерпретатором (прокурором) интерпретируемому (адвокату), а утверждение, что допрашиваемый – лжец, относилось бы к обязательству, *принимаемому* самим интерпретатором.

Всякая интерпретация, следовательно, состоит из двух частей: дискурсивного обязательства, приписываемого субъекту высказывания (атрибутивной части), и дискурсивного обязательства, принимаемого интерпретатором (ассертативной части). Особая экспрессивная функция интерпретаций *de re*, как мне представляется, заключается именно в том, что они помогают интерпретатору «развести» две эти части, показать, какие элементы, составляющие его утверждение, выражают содержание обязательств *приписываемых*, а какие – обязательств *принимаемых*. Первая часть включает пропозициональное «что» утверждения, специфицируемое в модальности *de dicto*, т.е. высказывание, которое интерпретируемый, по мнению интерпретатора, должен был бы *признать* в качестве адекватного выражения своего дискурсивного обязательства. Вторая часть включает репрезентациональное «о чем» утверждения, специфицируемое в модальности *de re*, т.е. высказывание, отражающее мнение самого *интерпретатора*, его представление о предмете, которое может не совпадать с представлением интерпретируемого (того, кому дискурсивное обязательство приписывается). Таким образом, различение двух основных модусов или типов интерпретации пропозиционального с выделением соответствующих им компонентов высказывания (*de re* и *de dicto*) позволяет выразить и осмыслить нечто, относящееся к самому существу игры в обмен доводами-обоснованиями. Этим существенно важным является структурирующее дискурсивную практику *различие социальных перспектив* интерпретатора и субъекта высказывания – того, кто приписывает обязательство, и того, кто принимает его.

<...> Любое утверждение или верование, содержательное *пропозиционально*, должно, как я показал, иметь *репрезентациональное* содержание, ведь инференциальная артикуляция пропозиционального необходимо предполагает учет и *социального* измерения дискурса. Необходимость эта обусловлена тем, что выводное (inferential) значение утверждения, вся совокупность следствий и предпосылок дискурсивного обязательства, принимаемого субъектом высказывания, естественным образом связана с принятыми им ранее параллельны-

ми (collateral) обязательствами – сопутствующими высказываемому утверждению и подкрепляющими его соображениями, представлениями и гипотезами. Спецификация пропозиционального содержания всякого рода должна опираться, следовательно, на тот или иной ряд согласованных обязательств. Напрашивается вывод, что инференциальная *правильность* утверждения зависит от *истины* параллельных суждений и убеждений, его подкрепляющих. В самом деле, так думает *каждый* дискурсивный субъект, но каждый судит о правильности по-своему, исходя их своих предположительно истинных допущений, со своей перспективы, всегда в чем-то отличной от перспективы другого субъекта. Репрезентациональные обороты позволяют «высветить» это различие, выразить его посредством разграничения обязательств приписываемых и принимаемых (без чего коммуникация, ввиду указанного несовпадения перспектив, была бы попросту невозможна). *Репрезентациональное*, таким образом, несет на себе отпечаток *социального* – специфически социальной структуры *инференциальной* артикуляции пропозиционального содержания, которое оказывается предметом игры в обмен доводами-обоснованиями, разыгрываемой субъектами дискурсивной коммуникации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кант И.* Соч. В 6 т. Т. 3. – М., 1964. С. 166.

[2] Там же. С. 167.

[3] Подробнее об этом см.: *Brandom R.* Inference, Expression, and Induction: Sellarsian Themes // Philosophical Studies. 1988. Vol. 54. № 2. P. 257 – 285.

REFERENCES

Brandom R. Inference, Expression, and Induction: Sellarsian Themes // Philosophical Studies. 1988. Vol. 54. № 2.

Brandom R. Reasoning and Representing // Philosophy in Mind / ed. by M. Michael, J. O'Leary-Hawthorne. – Dordrecht, 1994.

Kant I. Soch. V 6 t. T. 3. – Moskow, 1964.

Аннотация

Статья американского философа-прагматиста Роберта Брэндома содержит краткое изложение основных идей его фундаментальной работы «Прояснение» (1994). Автор считает, что лучшим способом рассмотрения и описания репрезентационального содержания убеждений и высказываний является «социальная артикуляция» – способ, который показывает, как значение пропозиций изменяется при переходе от одной дискурсивной перспективы к другой (от перспективы субъекта высказывания к перспективе интерпретатора).

Ключевые слова: репрезентация, лингвистическая практика, пропозициональное содержание, коммуникация, истина, выводные отношения, референция, дискурсивное обязательство.

Summary

Robert Brandom's article contains a brief summary of his influential 1994 book *Making It Explicit*. American philosopher argues, that the representational dimension of propositional contents should be understood in terms of their «social articulation» – how a propositionally contentful belief or claim can have a different significance from the perspective of the individual believer or claimer, on the one hand, than it does from the perspective of the interpreter, on the other.

Keywords: representation, linguistic practice, propositional content, communication, truth, inferential relations, reference, discursive commitment.

КОММЕНТАРИИ

[i] Перевод выполнен по изданию: *Brandom R.* Reasoning and Representing // Philosophy in Mind / ed. by M. Michael, J. O'Leary-Hawthorne. – Dordrecht, 1994. P. 159 – 178. Публикуется в сокращении.

[ii] «Игра в обмен доводами» (the game of giving and asking for reasons) – одно из ключевых понятий аналитического прагматизма Роберта Брэндома. Выдвижение и запрашивание оснований для выводов составляет, по мнению Брэндома, «квинтэссенцию» дискурсивной практики (см.: *Brandom R.* Between Saying and Doing: Towards an Analytic Pragmatism. – Oxford, 2008. P. 43). Эта «игра» состоит из ходов-высказываний (главным образом, утверждений), которые рассматриваются игроками как доводы, *выдвигаемые в обоснование* какого-то положения, с одной стороны, и *требующие*, с другой стороны, обоснования для себя. «Человеческая деятельность, чтобы называться "языковой", должна включать в себя действия, имеющие практическое значение высказываний о существующих фактах – высказываний, являющихся декларативными предложениями и выражающих пропозициональное содержание... Пропозиционально содержательные языковые высказывания отличаются тем, что они могут служить как посылками, так и заключениями в выводах. Практика, которая не отвечает этому требованию, т.е. не включает высказываний в указанном смысле, может считаться *голосовой*, но никоим образом не *вербальной* практикой» (*Brandom R.* Reply to Charles Taylor's «Language Not Mysterious»? // Reading Brandom / ed. by B. Weiss, J. Wanderer. – L.; N. Y., 2010. P. 301 – 302). Стоит заметить, что выражение *«игра в обмен доводами»*, которое Брэндом приписывает У. Селларсу, ни в одном из текстов последнего (во всяком случае, опубликованных) не встречается.

[iii] См.: *Frege G.* The Foundations of Arithmetic. – N. Y., 1953. P. 71 («Необходимо всегда учитывать полное предложение. Только в составе предложений слова нечто обозначают»). Принцип контекстуальности Фреге получает развитие в холистской семантике Д. Дэвидсона (см.: *Davidson D.* Inquiries into Truth and Interpretation. – N. Y., 1984. P. 17 – 36): «Поскольку значение предложений зависит от их структуры, а значение каждого элемента структуры следует понимать не иначе, как абстракцию, полученную из всей совокупности предложений, в которых этот элемент присутствует, мы можем задать значение любого предложения (или слова), лишь задав значение каждого предложения (или слова) в языке. Фреге утверждал, что только в контексте предложения слово имеет значение; развивая его мысль, мы могли бы сказать, что предложение (и, следовательно, слово) имеет значение только в контексте всего языка» (*Davidson D.* Inquiries into Truth and Interpretation. P. 22). Согласно репрезентационизму («картезианской установке», которую Брэндом противопоставляет инференциализму), имеется некоторое,

пусть ограниченное, количество «эпизодов, состояний и выражений», значение которых может быть схвачено напрямую, безотносительно к другим состояниям или выражениям и вне установленного контекста. Брэндом решительно отвергает такой семантический атомизм. «Понимание холистично – следовательно, холистично значение» (*Brandom R.* Perspectives on Pragmatism. – Cambridge (MA), 2011. P. 204). Ср. с холистской аргументацией У. Селларса: *Sellars W.* Epmiricism and the Philosophy of Mind. – Cambridge, 1997. P. 44 – 45. См. также: *Maher Ch.* The Pittsburgh School of Philosophy: Sellars, McDowell, Brandom. – N. Y., 2012. P. 14 – 16.

[iv] Брэндом развивает идеи Дж. Сёрла, который различал *пропозициональное содержание* (*what* is said) и *предметную референцию* или «объективность» высказываний (what is said *about*). Вы можете утверждать или верить, что король Франции мудр или глуп, даже если человека, о котором вы говорите, в реальности не существует (Франция уже не монархия). Высказывание «король Франции мудр» (или «глуп») будет тогда иметь пропозициональное содержание, не имея объекта. В терминологии Сёрла, такие высказывания *высказываются о* чем-то или репрезентируют что-то в специфически «интенсиональном», а не в «экстенсиональном» смысле (*Searle J.* Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. – Cambridge, 1983. P. 16 – 17).

[v] По мнению Брэндома, даже непосредственные данные наблюдения не могут быть *поняты* неинференциально, вне рассмотрения их связи с другими содержаниями знания (убеждениями, предположениями и верованиями). Все дескриптивные утверждения «приобретают *концептуальную* содержательность – а следовательно, и когнитивную значимость – только благодаря отношениям вывода» (*Brandom R.* Between Saying and Doing. P. 95). Чтобы *видеть* предмет, различать его форму и цвет (квадратное или круглое? зеленое или красное?), мы должны уже *знать*, какими бывают цвета и формы предметов, располагать соответствующими понятиями («круглого» и «квадратного», «красного» и «зеленого»). Поэтому «все, что оказывается в поле нашего зрения, инференциально (и концептуально) артикулировано» (*Brandom R.* Reply to Mark Lance and Rebecca Kukla's «Perception, Language, and the First Person» // Reading Brandom. P. 319). Физики в ходе экспериментальных исследований наблюдают, в прямом и буквальном смысле, поведение мю-мезонов в особом устройстве – пузырьковой камере; результаты их наблюдений носят неинференциальный характер: они «видят» частицы так же, как мы видим красное или зеленое. Однако неинференциальные данные «прямых» наблюдений имеют инференциальное объяснение и опосредованы известным рядом условий: физики *научаются* видеть мезоны, наблюдая де-факто инверсию пара (и пользуясь специальной аппаратурой). *Эмпирическая* содержательность акта высказывания обеспечивается неинференциальной привязкой высказывания к наблюдаемым и описываемым реалиям, а *концептуальная* содержательность – инференциальной артикуляцией (см.: *Brandom R.* Making It Explicit: Reasoning, Representing, and Discursive Commitment. – Cambridge, 1994. P. 235). Убеждения (beliefs), не артикулированные инференциально, никакой дискурсивной ценности не представляют: «…языковых игр, которые состояли бы исключительно из неинференциальных высказываний-сообщений, просто не существует» (*Brandom R.* A Study Gide // *Sellars W.* Empiricism and the Philosophy of Mind. P. 153).

[vi] «Участники игры [в обмен доводами] выступают носителями различных деонтических статусов – *обязательств* (commitments) и *правомочий* (entitle-

ments)... Игроки, в соответствии с правилами игры, совершают ходы, которые имеют практическое значение. Оно выражается в изменении статусов» (*Brandom R.* Making It Explicit. P. 166). Совершая некоторое действие или высказывая суждение, человек принимает на себя определенное обязательство (ручается в достоверности утверждения или оправданности поступка). Если эта претензия обоснованна, действие субъекта может считаться социально приемлемым, или *правомочным*. Нормативные статусы «обретаются» индивидами двояким способом: *признаются* (субъектом действия), принимаются на себя – либо *приписываются* (кому-то другому), налагаются на кого-то. Принятие (undertaking) и приписывание (attributing) обязательств – суть «фундаментальные деонтические установки (deontic attitudes)» (Ibid. P. 508). Соответственно различению двух деонтических статусов, Брэндом выделяет две разновидности выводных отношений: инференции обязательств («коммитивные» выводы), к которым относятся все дедуктивные аксиомы и умозаключения типа «Филадельфия восточнее Питтсбурга, следовательно, Питтсбург западнее Филадельфии», и инференции дозволений («пермиссивные» выводы), к которым относятся все индукции типа «Спичка сухая и целая, следовательно, она загорится при чирканье о коробок», оставляющие возможность принятия или непринятия заключения (если фосфорное покрытие на коробке стерлось, спичка не загорится, – утверждение, что это произойдет, будет необоснованным). Помимо названных инференций (коммитивных и пермиссивных), между двумя утверждениями могут существовать отношения *несовместимости*. Пропозициональные содержания несовместимы тогда, когда одно дискурсивное обязательство исключает правомочность другого (см.: *Brandom R.* Making It Explicit. P. 168 – 169; *Brandom R.* Between Saying and Doing. P. 119 – 120; *Brandom R.* Articulating Reasons: An Introduction to Inferentialism. – Cambridge, 2000. P. 43 – 44; *Brandom R.* Responses // Pragmatics and Cognition. 2005. Vol. 13. № 1. P. 237 – 238).

[vii] Пропозициональная содержательность во всей семантической полноте раскрывается только на уровне дискурсивной коммуникации, полагает Брэндом. Признание истинности чьего-либо утверждения «легитимирует» использование его другими – участниками разговора, коммуникантами – в качестве основания для последующих утверждений. Коммуникативно успешны те дискурсивные акты, что допускают «интер-персональную» инференцию. *Обоснованными* (warranted), по мнению Брэндома, должны считаться обязательства-утверждения (assertional commitments), которые подлежат такому воспроизводству (см.: *Brandom R.* Making It Explicit. P. 169 – 170).

[viii] Теория Брэндома предполагает, по удачному выражению Дж. Макдауэла, «интериоризацию» обоснования, с одной стороны, и «экстериоризацию» истины, с другой: истинность обоснованного убеждения (правомочного дискурсивного обязательства) всегда устанавливается сторонним интерпретатором, но никогда – самим носителем убеждения или субъектом высказывания (см.: *McDowell J.* The Engaged Intellect. – Cambridge, 2009. P. 284 – 285). Между тем всякий интерпретатор, как участник игры в обмен доводами, де-факто является и *субъектом высказывания*: дискурсивные обязательства, которые он принимает (убеждения, на основании которых интерпретатор выносит суждения относительно истинности чьих-то высказываний, т.е. *приписывает* обязательства кому-то другому), сами, в свою очередь, подлежат чьей-то интерпретации и оценке. Мы сталкиваемся здесь с регрессом интерпретаций (вернее, атрибуций), и семантический прагматизм

Брэндома не снимает этой проблемы (см.: *Laurier D.* Pragmatics, Pittsburgh Style // Pragmatics and Cognition. 2005. Vol. 13. № 1. P. 155). Согласно JTB-схеме (т.е. схеме «justified true belief»), *убеждение X, что A*, должно быть, во-первых, *обоснованным*, и во-вторых, *истинным*. Брэндом, однако, подменяет условие 2 (*A* является истинным) условием 2′ (*Y* считает, что *A* является истинным) – отсюда регресс интерпретаций: кто подтвердит, что обоснованное убеждение *Y* (интерпретатора) в том, что обоснованное убеждение *X* истинно, само является истинным? Интерпретатор *Z*? (см.: *Lafont C.* Is Objectivity Perspectival? // Habermas and Pragmatism / ed. by M. Aboulafia, M.O. Bookman, C. Kemp. – L., 2002. P. 196 – 201.)

[ix] Согласно Брэндому, пропозициональное содержание обязательств, приписываемых субъекту высказывания интерпретатором, может специфицироваться двумя различными способами – в модусе *de dicto* и в модусе *de re*. В первом случае пропозиция (то, *что* утверждается) понимается и воспроизводится в терминах автора, говорящего или пишущего, второй же способ интерпретации предполагает раскрытие объективного содержания утверждения в терминах уже не субъекта высказывания, а коммуниканта-интерпретатора, соотносящего данное содержание с известными ему фактами (с тем, *о чем* говорится). «Сама возможность понимания собеседника, рассмотрения и использования его утверждений в качестве инференциальных посылок в рассуждениях, обеспечивается нашей способностью интерпретировать их содержание в *de re*, а не исключительно лишь в *de dicto* модальности» (*Brandom R.* Making It Explicit. P. 513). Подробнее см.: *Brandom R.* Tales of the Mighty Dead: Historical Essays in the Metaphysics of Intentionality. – Cambridge, 2002. P. 94 – 111.

Перевод с английского и комментарии И.Д. Джохадзе